

СТАЛИНГРАДСКАЯ
БИТВА

**К 80-летию главного сражения
Великой Отечественной**

МАЙКЛ ДЖОНС

СТАЛИНГРАД

КАК СОСТОЯЛСЯ ТРИУМФ КРАСНОЙ АРМИИ

ЯУЗА

**МОСКВА
2023**

УДК 94(47+57)"1942/43"
ББК 63.3(2)622.12
Д42

Michael K. Jones
Stalingrad: How the Red Army Triumphed

Фотография на обложке:
© *Аркадий Шайхет* / РИА Новости

Джонс, Майкл.

Д42 Сталинград. Как состоялся триумф Красной Армии / Майкл Джонс ; [перевод с английского М. П. Свириденкова]. — 6-е издание. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 352 с. — (Сталинградская битва. К 80-летию главного сражения Великой Отечественной).

ISBN 978-5-9955-1099-4

Эта книга известного американского военного историка — одно из лучших исследований битвы за Сталинград. Ярко описав бои в городе с середины сентября до середины ноября 1942 г., Майкл Джонс (Michael K. Jones) смог убедительно, глазами непосредственных участников показать переломное сражение Великой Отечественной войны, поистине впечатляюще передав его отчаянный, жестокий характер.

УДК 94(47+57)"1942/43"
ББК 63.3(2)622.12

ISBN 978-5-9955-1099-4

© Джонс М., 2023
© Свириденков М.П., пер. с англ., 2023
© 000 «Яуза-пресс», 2023

От автора

27 сентября 1942 года в Сталинград прибыло пополнение. Русский солдат Иосиф Фурман писал своей семье в сибирский город Иркутск: «Сегодня мой второй день на передовой, здесь происходит величайшая битва в истории человечества». Ощущение радостного возбуждения, смешанного с ужасом предстоящих кровавых боев, опьяняло каждого солдата. Но Фурман тонко уловил глубокое значение крупнейшего столкновения войск Германии и Советского Союза, ставшего определяющим моментом Второй мировой войны.

События Сталинградской битвы будут всегда увлекать живущих. Содержание этой книги посвящено русским защитникам города, бойцам 62-й армии. Автор в меру своих сил попытался воссоздать то, чем дышали и жили бойцы этого воистину выдающегося воинского формирования. Надежда выжить умерла в душе одного из тех солдат менее чем за два дня. «Не проходит ни секунды без грохота артиллерийских залпов, звона падающих гильз, треска пулеметов, — продолжал Фурман в своем письме. — Везде трупы, и я не знаю, что случится через час». Однако те, кто выжил после столь страшного боевого крещения, сохранили волю к победе. Ветераны Советской Армии убеждены, что именно сила духа, выкованная в самых ужасных усло-

★ ОТ АВТОРА

виях, позволила им противостоять страшнейшему наступлению врага.

Сталинград стал катастрофическим поражением Германии, однако история этой знаменитой битвы обычно рассматривается с точки зрения стратегических ошибок Гитлера и его высшего командования. Тем не менее Сталин и его военачальники также допускали серьезные ошибки. Они не предполагали, что защитники Сталинграда окажутся отрезанными от остальных армейских формирований и буквально запертыми в городе на столь долгий срок. В сентябре 1942-го ошибки в расчетах советского командования привели к тому, что Красная Армия терпела одно поражение за другим, в результате чего 62-й армии пришлось противостоять подавляющему количеству немецких войск, полагаясь только на собственные силы.

Каким чудом русские смогли выстоять? Этот вопрос до сих пор озадачивает многих. 11 ноября 1942 года, когда немцы начали свой последний решительный штурм Сталинграда, в дневнике боевых действий 62-й армии значилось, что численность некоторых ее ключевых дивизий сократилась до нескольких сотен человек. Истерзаннные в боях остатки армии отступили к берегам Волги, однако плывущие по реке льдины препятствовали переброске дополнительных формирований. «Армия в исключительно сложной ситуации. — От записанного в журнале боев веет безнадежностью. — Только беспримерный героизм и стойкость бойцов позволили нам удержать позиции и продолжать сопротивление значительно превосходящему по силе врагу».

Мне хотелось показать, какой видят сами защитники Сталинграда свою невероятную победу. К их точке зрения стали прислушиваться только недавно, с распадом СССР и крушением коммунистического строя. Анатолий Козлов, глава Волгоградской организации ветеранов, рассказывал мне о значимом решении, к которому он и другие защитники Сталинграда пришли совершенно спонтанно на встрече по поводу пятидесятой годовщины битвы: «Мы договорились рассказывать правду о Сталинграде, повествуя о происходившем там прямо и просто, без коммунистической риторики и клише». Именно Анатолий

Козлов во многом и направил мои исследования в то русло, в каком они здесь представлены.

В течение последних пяти лет, изучая Сталинградскую битву, я работал вплотную с русскими ветеранами. Осуществить путешествие в Россию мне помогли Алэн Руни из туристической компании «Мидас энд Холте Бэтлфилд Туре», предлагающей экскурсии по местам легендарных боев, а также представитель сотрудничавшей с «Мидас энд Холте» российской турфирмы Олег Александров, непосредственно руководивший организацией моей поездки. Именно Олег договаривался о моих встречах с членами Московского совета ветеранов войны, чьи доброжелательность и гостеприимство способствовали моему интересу к Сталинградской битве.

На месте этого грандиозного сражения такими же, как во время войны, остались лишь названия некоторых улиц и окрестных населенных пунктов. Даже сам город в хрущевскую эпоху был переименован в Волгоград. Однако, когда я слушал рассказы ветеранов, руины разрушенных боями зданий словно воскресали передо мной. Я узнавал, каким был фронтовой Сталинград, из многих бесед с оставшимися в живых бойцами 62-й армии, с которыми мне удавалось познакомиться в Москве и Волгограде. За встречи, проходившие в Москве, я особенно благодарен Марии Фаустовой, секретарю Совета ветеранов 62-й армии, а за встречи в Волгограде — Светлане Аргасцевой, заместителю директора волгоградского музея-панорамы «Сталинградская битва».

Как психолога боев меня интересовало, какими были внутренняя мотивация и духовные ориентиры защитников Сталинграда, именно поэтому для меня так важны были их живые впечатления. Мне посчастливилось общаться со многими из них, но сердцевину моего замысла сформировали неоднократные разговоры с Анатолием Григорьевичем Мережко.

Ныне генерал-полковник в отставке, Анатолий Мережко после войны дослужился до заместителя командующего Вооруженными силами стран — участниц Варшавского договора. Помогая в осуществлении моего проекта, он в течение ряда недель

★ ОТ АВТОРА

путешествовал со мной по местам сталинградских боев. Без его бескорыстной помощи и поддержки эта книга не состоялась бы.

В годы войны А. Г. Мережко в составе 62-й армии был офицером по особым поручениям, который докладывал обо всем напрямую Василию Чуйкову, командующему армией. Панораму событий, выстроенную по его рассказам, мне удалось серьезно расширить благодаря помощи Александра Чуйкова (который предоставил мне доступ к мемуарам, фотографиям и личным бумагам его отца) и Натальи Родимцевой (она также предоставила мне бумаги и фотографии ее отца, Александра Родимцева, командующего 13-й гвардейской дивизией). В сентябре 1942-го Чуйков ввел Родимцева в армейский совет, и вместе они создали новый стиль командования войсками, который позволил противостоять немецкому натиску.

Чуйков и Родимцев руководили всеми операциями, находясь в непосредственной близости от линии фронта, и, таким образом, личным примером поддерживали мужество защитников города. Дивизия Родимцева понесла значительные потери после боев во время немецкого наступления под Донбассом в июле 1942-го. Когда она была переброшена под Сталинград, в ней оставалось совсем немного опытных бойцов, сумевших выжить в тех боях, а большую часть дивизии составляли новобранцы и ополченцы, которых направили в горящий город сразу после нескольких недель подготовки. Аналогично 284-я дивизия Батюка, включившаяся в Сталинградскую битву в конце сентября, еще летом оказалась практически разбита в ходе боев на северо-западе Воронежа и была спешно воссоздана в Уральском военном округе в августе 1942-го. Дэвид Гланц заострил мое внимание на том факте, сколь «примечательно, что обе дивизии тем не менее проявили себя очень хорошо в городских боях».

Батюк, как и Родимцев, разделял все опасности со своими войсками и таким образом заслужил уважение и непоколебимую преданность бойцов. Военные нормы оговаривают, что командование должно быть на определенном удалении от линии фронта. Но в водовороте Сталинграда эти нормы уже не имели прежнего значения. Батюк писал своей жене, сухо излагая со-

бытия, в октябре 1942-го: «Сегодня мне повезло. Снаряд упал в метре от меня, но не взорвался. Так случается уже в третий раз».

Историк Сталинградской битвы Джейсон Марк оказал мне значительную помощь, периодически давая грамотные советы и способствуя продвижению данного проекта. Собственная работа Джейсона Марка «Остров огня» вышла в свет, когда мое исследование отправили в печать. В ней есть фрагмент, который, на мой взгляд, отражает сущность русской обороны.

Полковник Иван Людников, командующий 138-й дивизией, посетил полковой КП. Находившийся там командир полка майор Гуняга был недоволен тем, что ему приходится находиться в чрезвычайной близости от немцев. «Мне нужны нормальные условия, чтобы работать эффективно, а у меня их нет», — жаловался он. «Я знаю, — сочувственно сказал Людников. — Здесь все противоречит обычным нормам военной практики. Но мы сами сломали законы. Мы заставили врага сражаться по тем правилам, которые для него неприемлемы». Затем Людников добавил: «Мы отрезаны от остальной армии, и каждый сам себе судья... Солдат видит твой командный пост у своих окопов. Он знает, как тебе тяжело, но ты не оставляешь передовую. И поскольку ты, командир полка, доверяешь рядовому солдату свою жизнь, он не спасует. Для него нет ничего дороже в мире, чем такое доверие». Справедливость подобного взгляда не раз доказывалась временем и была вновь подтверждена в Сталинграде.

Дэвид Гланц великодушно прочитал мой текст и внес свой вклад в предисловие. Кроме того, Дэвид сумел скомпилировать и детально расписать хронологию первого, «оборонного» этапа битвы, отразив события каждого дня. Также я благодарен за прочтение моего исследования после его завершения Джефри Робертом и Альбертом Экселлом, который внес множество полезных предложений. Неоценимую помощь оказал мне и Сергей Петрунин, определивший, где именно проходил ряд боев, описанных ветеранами 62-й армии, что, безусловно, существенно дополнило книгу. Евгений Куличенко был моим проводником по самым глухим местам и закоулкам, где состоялись важ-

★ ОТ АВТОРА

ные бои Сталинградского сражения. Русс Щалке позволил мне процитировать письмо Иосифа Фурмана из его личной коллекции, а также дал ряд ценных советов относительно топографической характеристики места битвы. Помощь всех этих людей очень помогла мне в работе и расширила ее.

В книге, следуя стандартной практике западных исследований, я преимущественно применял определение «русский», за исключением тех случаев, когда слово «советский» звучало более уместно. При этом не следует забывать, что армия, защищавшая Сталинград, состояла из представителей всех республик СССР. Петр Межирицкий любезно подсказывал мне наилучшую форму написания ряда фамилий. Джейсон Марк присылал мне извлечения из новейших российских исследований, посвященных Сталинграду, в частности «1942 год» В. Бешанова, где содержится (стр. 558–559) описание предложения Чуйкова эвакуировать армейский КП на восточный берег Волги в критической точке битвы 14–15 октября.

Лоуренс Риз и его продюсер Мартина Балазова с интересом отнеслись к моим интервью с ветеранами и щедро позволили мне воспользоваться их собственным материалом, собранным для серии передач Риза «Война века», показанных по Би-би-си. Также я выражаю благодарность Ирине Черемушниковой, которая была моим переводчиком в Волгограде, и Елене Яковлевой, моему переводчику в Москве. С Еленой Яковлевой мне посчастливилось плотно работать в течение трех поездок в Россию, и нередко именно ее умение построить беседу с ветеранами помогало услышать реальные истории их боевого пути во всей полноте.

Защитники Сталинграда находились в гораздо худшем положении, чем зачастую представляют сегодня историки битвы. Дважды — 14 сентября и 14 октября 1942-го — Красная Армия оказывалась на краю катастрофы. Только осознав, насколько отчаянной была ситуация, мы сможем понять, сколь беспримерен был героизм солдат и офицеров, защищавших Сталинград. В этой книге я старался отдать свою дань их изумительной смелости.

Об этой книге

Упоминание Сталинграда — города на Волге, названного в честь Иосифа Сталина, — вызывает яркие ассоциации равно как у каждого русского, так и на Западе. Там произошло одно из наиболее жестоких столкновений между армиями во время одной из самых страшных войн двадцатого века. Русские, как и многие другие народы Советского Союза, восприняли победу армии в сражении как главное событие, спасшее город Сталина и их пошатнувшуюся национальную гордость. Ужас, потери и боль первых катастрофических восемнадцати месяцев войны были, наконец, преодолены, и Советская Армия стала двигаться к окончательной победе над Германией. Жители западных стран, которые не стремятся сегодня знать что-либо о советско-германской войне, признают, хотя и неохотно, вклад Красной Армии в победу союзников над Гитлером. Сталинградская битва оказалась ключевым моментом в этой титанической борьбе.

В течение последних шестидесяти лет огромный массив советских, немецких и других западных историков, а также множество высших военачальников, участвовавших в боях под Сталинградом, написали сотни книг, мемуаров и статей о той битве, что ясно указывает на необъятность и сложность темы. Советские авторы, которые, естественно, гордились достижен-

★ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

ями Красной Армии, начали разработку этой темы. Лучшими среди их книг мне показались следующие:

— «Сталинградская битва», написанная в 1960 году А. М. Самсоновым, ведущим советским военным историком;

— захватывающие и удивительно откровенные мемуары «Начало пути. Сталинград и Сталинградский рубеж», написанные в 1959, 1961 и 1979 годах соответственно генералами В. И. Чуйковым, Н. И. Крыловым и А. И. Еременко, Маршалом Советского Союза, командующим Сталинградским фронтом во время битвы;

— в 1965 году вышел грамотный и четкий военный анализ Сталинградского сражения «Великая битва на Волге» Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, который был командующим Донским фронтом на решающих этапах битвы.

Эти книги впечатляют, особенно когда описывают совершенство и мощь Красной Армии, что несет несколько пропагандистский оттенок. Однако, что особенно важно отметить для западного читателя, без отражения в них коммунистической идеологии эти работы не могли быть напечатанными, и их авторы знали об этом. По политико-идеологическим причинам они часто преувеличивали мощь и численность немецких войск, чтобы подчеркнуть доблесть Красной Армии. Приведу конкретный пример: во всех этих книгах отмечается, что в числе немецких формирований, атаковавших Сталинград, были 76-я и 44-я немецкие пехотные дивизии, хотя в действительности эти дивизии не принимали участия в боях за город. Советские авторы настойчиво подчеркивают доблесть ряда дивизий, которые были изначально «великими русскими», приуменьшая достижения других, «нерусских», дивизий. Они выделяют 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию Родимцева как элитное формирование, приуменьшая роль 284-й стрелковой дивизии Батюка, которая была сформирована в Сумской области Украины. Фактически обе дивизии понесли значительные потери в ходе боев в середине и в конце июля 1942 года, так что к началу сентября, когда они были переброшены под Сталинград, состояли преимущественно из плохо вооруженных резерви-

стов и новобранцев. После выхода на английском языке книги Чуйкова, ставшей первоисточником для большинства западных историков Сталинградской битвы, такие ошибки укрепились в большинстве исследований как несомненные факты.

Сегодня у нас нет возможности сравнить изложенное в советских мемуарах с мемуарами высшего командования Вермахта: написать их последним помешала смерть или долгие годы тюрьмы. Однако данный пробел в некоторой мере заполнен работами авторов, не относившихся к гитлеровскому генералитету, но все-таки представивших взгляд с немецкой стороны на события Сталинградской битвы.

К лучшим из подобных книг относится краткое, но пронительное исследование «Сталинград», написанное журналистом Хейнцем Шретером в 1958 году; превосходный анализ действий командования Вермахта «Паулюс и Сталинград», написанный выдающимся немецким военным историком Вальтером Гоерлицем в 1963-м; а также солдатский взгляд на битву, отраженный в книге Пауля Кареля «Сталинград: поражение 6-й немецкой армии», написанной в 1993 году с помощью нескольких немецких ветеранов войны. Однако пока в подобных трудах недостает широкой документальной базы: записи большинства немецких военных формирований, сражавшихся под Сталинградом, были уничтожены за время войны либо вывезены частями Красной Армии.

Западные историки начали знакомить свою аудиторию с подробностями боев за Сталинград в начале 70-х годов двадцатого века, сопоставляя материалы из разнообразных советских и немецких источников. В числе первооткрывателей были Вильям Крейг с книгой «Враг у ворот», вышедшей в 1973-м, и Джон Эриксон, излагавший полную историю первой половины войны в работе «Дорога на Сталинград», опубликованной в 1975 году.

Среди более поздних исследований можно выделить следующие исторические обзоры битвы: книга «Сталинград», составленная В. Е. Таррантом в 1992 году, «Сталинград. 1942–1943: адский котел» Стивена Уолша (2000 г.), «Сталинградская по-

★ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

беда» Джеффри Робертса (2002 г.) и написанный в 1998-м захватывающий бестселлер Энтони Бивора, относящийся скорее к популярной историографии: «Сталинград: роковая осада, 1942–1943».

Все эти книги пользовались широким успехом, однако в ряде моментов они являются шагом назад по сравнению с работами предшественников. В частности, в них недостает новых, ранее неизвестных документов, а кроме того, авторы с излишним доверием относятся к мемуарам Чуйкова. Они держатся в русле «старой истории», повторяя известные прежде детали и увековечивая ошибки, пошедшие от работы Чуйкова.

Тем не менее, как показывает появление данной книги, ситуация изменяется к лучшему. В течение последних нескольких лет российское правительство наконец открыло доступ к основным архивным документам, связанным со Сталинградской битвой, в частности, к ежедневным рабочим отчетам Генерального штаба Красной Армии и дневникам боевых действий 62-й армии, а также подчиненных ей дивизий и бригад, причем все записи доступны без цензурных изъятий.

В то же время российские историки, такие как Алексей Исаев и В. В. Бешанов, написали честные и подробные книги об истории битвы, базирующиеся на этом новом материале.

Наконец, благодаря работе австралийского историка Джейсона Марка, который по крупицам собирал немецкие архивные документы о Сталинградской битве и написал великолепное подробное исследование боевых операций Вермахта в Сталинграде, мы можем посмотреть на происходившее тогда с немецкой стороны и сравнить подобный взгляд с советским.

Книга Майкла Джонса «Сталинград. Как состоялся триумф Красной Армии» представляет собой исследование хода битвы. Как и в хорошо зарекомендовавшей себя книге Бивора, автор стремится понять, какими людьми были участники боев, а потому фокусирует свое внимание в равной степени как на ключевых фигурах командования, так и на рядовых солдатах 62-й армии. Но Джонс заходит гораздо дальше Бивора в анализе психологии бойцов Советской Армии и успешно отвечает на

вопрос, что заставляло их сражаться и переносить невероятные трудности. В отличие от работы Бивора, которая строилась как умело сложенная мозаика из сведений, доступных еще в 70-х, Джонс, используя военные архивы для подтверждения драматических свидетельств ветеранов, исправляет многие закрепившиеся ошибки в изображении хода битвы. Сосредоточивая внимание на 62-й армии и давая яркие описания боев в городе с середины сентября до середины ноября 1942-го, он показывает Сталинград глазами участников битвы и, таким образом, раскрывает внутреннюю сущность сражения.

Книга, получившаяся в результате, сразу пленяет читателя. В предыдущих работах отчаянный, жестокий характер битвы не был передан столь отчетливо. Теперь мы можем представить ее во всем ужасе и лучше оценить смелость защитников Сталинграда. С этой точки зрения данную книгу можно назвать лучшей из опубликованных.

Вступление

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

«Нас становится все меньше и меньше, — говорит Анатолий Мережко, выпивая до дна рюмку водки. — Иногда возникает ощущение, будто мы последние из могижан». Мережко в составе 62-й армии выжил в Сталинградской битве и затем с боями дошел до Берлина и до Рейхстага, главного символа гитлеровского режима. После войны он дослужился до заместителя командующего Вооруженными силами стран — участниц Варшавского договора, завершил свою карьеру преподавателем военной академии. Но память о Сталинградском сражении не покидает его всю жизнь. «Это невозможно понять тому, кто не был там, — считает он. — Смотревшим на город с дальнего берега казалось невероятным, чтобы кто-то сумел выжить в таком аду. Но в критической точке битвы наша армия обладала огромной моральной силой. Даже когда мы были отброшены назад и до Волги оставалось не больше двухсот метров, мы верили, что выстоим. Это непередаваемое чувство. Даже новобранцы ощущали его. Те, кто выжил в первые дни битвы, зачастую изменились до неузнаваемости».

Анатолий Григорьевич Мережко более чем компетентен в вопросах Сталинградского сражения, одной из самых решаю-

щих битв в военной истории, ставшей поворотной точкой Второй мировой войны. Он учился боевому искусству страшным летом 1942-го, когда немецкие армии пробили 400-километровую брешь в советском Южном фронте и стремительно двигались к Кавказу с его жизненно важными нефтяными резервами и Сталинграду, центру русской военной промышленности и важнейшему звену коммуникаций и торговли.

Анатолию Григорьевичу исполнилось всего лишь двадцать, когда он был переведен в 62-ю армию, защищавшую осажденный Сталинград в кровопролитных городских боях. Размышляя о ключевых моментах битвы в последующие годы, он пришел к исключительному пониманию того, что происходило тогда. Рассказы Мережко, сопоставленные с рассказами других ветеранов Красной Армии, составили живую документальную базу, которая подвела фундамент под мое исследование легендарной битвы. Основное внимание в нем сосредоточивается на 62-й армии, противостоявшей немцам и удержавшей город: на решениях командного состава этой армии и на то, какими были моральные принципы рядовых бойцов и чем они руководствовались в самых отчаянных обстоятельствах. Отмечу, что поразило меня сразу, так это невероятное чувство товарищества между бойцами, оно помогало им выстоять в тяжелейших боевых условиях.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЕТЕРАНОВ

Многих ветеранов той знаменитой битвы уже нет с нами. С каждым годом их становится все меньше, все больше времени они проводят в больницах и госпиталях.

Сурен Мирзоян — один из бойцов, сражавшихся на улицах города. Он создал ажиотаж, неожиданно появившись у Музея обороны Сталинграда в Волгограде с большим чемоданом, ища, где остановиться в современном городе. Он и его молодая жена покинули свой просторный дом в Армении, потому что Сурен решил перед смертью вернуться в Сталинград, ныне переиме-

★ ВСТУПЛЕНИЕ

нованный в Волгоград. Он выбрал участок на Мамаевом кургане, высоте, за которую шли страшнейшие бои, как место, где ему хотелось бы быть похороненным.

Притягательная сила города и страшной битвы, в связи с которой его всегда будут вспоминать, покажется неожиданной большинству на Западе, где зачастую Сталинград ассоциируется с адом на земле, в котором русские и немецкие солдаты сошлись в битве не на жизнь, а на смерть. Кто в здравом уме захочет туда вернуться? Однако именно это место, ставшее адом в период Сталинградского сражения, как видно из рассказов ветеранов, привлекает их как любимый город, защищая который они выдержали нечеловеческие испытания и по праву гордятся этим.

Владимир Туров, выходец из деревеньки под Смоленском, был лейтенантом в пехоте. Он сражался в боях за Тулу и Москву в 1941-м и прошел всю войну. Но самый яркий след в его памяти оставил именно Сталинград. Он воевал в северо-западном пригороде Сталинграда Орловке в августе и сентябре 1942 года. Позднее, в июле 1943-го, часть Турова была направлена из Сталинграда на Украину. У них оставалась всего пара часов на разведку перед началом движения. Город еще не был расчищен от осколков снарядов и обломков зданий, везде стояли остовы немецкой техники. Окружающая местность выглядела похожей на лунную поверхность, покореженная от взрывов и рассеченная окопами, которые защитники города вырыли по всему его периметру.

С самого начала движения Туров и его товарищи не могли не удивляться тому, что видят вокруг. Им на пути попала закрытая брезентом воронка, она привлекла их внимание. Подняв брезент, они увидели нескольких молодых женщин, которым воронка служила кровом. Эти женщины работали на восстановлении Сталинграда и жили в столь суровых условиях. «Что же вы, лучшего места не нашли?» — спросил Туров и тут же понял, что в разрушенном войной городе им было больше негде поселиться.

«Мы пытались обустроиться в фюзеляже сбитого самолета, — рассказали они ему, — но постоянно натывались на острые края покоренной металлической обшивки». Услышав это, Туров вдруг ощутил невероятный прилив любви к городу, до такой степени израненному войной. «Я пообещал себе, что если останусь жив после войны, то приеду и буду жить здесь», — говорит Туров. Он сдержал свое слово. После демобилизации Владимир Туров уехал в Сталинград и устроился там работать на одну из фабрик. Он живет в городе до сих пор.

Сталинград оставил глубочайший след в душах ветеранов. Харьковчанин Федор Шатравко был командиром танковой бригады. Он сражался в битве под Москвой в 1941-м и прибыл в Сталинград в апреле 1942-го для организации школы танкистов. Шатравко участвовал в защите города от первых фашистских атак. В конце сентября 1942-го он и его часть попали в немецкую засаду в северном пригороде Сталинграда Спартановке, танк Шатравко был подбит. Он до сих пор носит в себе осколок танковой брони, видимый сквозь кожу. Вырезать его в ходе операции оказалось невозможным: слишком близко находился нерв. Двое товарищей вытащили Шатравко из горящего танка, однако впоследствии оба они погибли. Он единственный из своей части уцелел в битве.

Находясь в госпитале, Шатравко узнал о судьбе своих сослуживцев. Он ощутил ужасное чувство утраты друзей и почувствовал себя виноватым, что он выжил, а они погибли. Ему до сих пор не верится в то, каким чудом ему удалось оказаться на эвакуационном пункте на Волге, куда доставляли раненых бойцов. Красная Армия применяла специально подготовленных собак, которые спасали раненых. Они были натренированы по запаху отличать трупы от оставшихся в живых и работали группами: несколько собак было запряжено в сани, а остальные бежали впереди и искали раненых. В ситуации, где не могли помочь люди, команда сильных собак, обученных подобным образом, нашла Шатравко, вытащила его на санях с поля боя и повезла вниз по

★ ВСТУПЛЕНИЕ

реке. Думая обо всем происшедшем годы спустя, он понял, что за всю войну нигде не пережил такого, как в Сталинграде.

В конце апреля 1945-го Шатравко с боями подошел к Берлину. Когда город пал, он вместе с сослуживцами направился к Рейхстагу. Там толпились бойцы Красной Армии. Каждый стремился оставить надпись на память на руинах символа нацистской Германии. Желавших было так много, что вокруг установили кордоны и новоприбывших пропускали к Рейхстагу небольшими группами по восемь-девять человек. В конце концов очередь дошла и до Шатравко. Уложив друг на друга несколько обломков и встав на них, он смог дотянуться до свободного от автографов места. Но что написать? Многие из его ребят оставляли на стене название местности, в которой они родились. Шатравко был рожден в Харькове, но под влиянием внезапно возникшего чувства он вдруг нацарапал: «Я из Сталинграда».

Битва за Сталинград стала чрезвычайным эмоциональным потрясением для многих его защитников, но далеко не обо всем они могли рассказывать. Красная Армия была частью коммунистического режима, который требовал лакированного изображения реалий войны. Сталинград стал выполнять функцию своего рода коммунистической иконы, поэтому официальная история тех событий была преобразена порою почти до неузнаваемости ради преувеличения славы государства. Подобный цинизм коробил даже убежденных коммунистов, воевавших под Сталинградом.

Гамлет Даллакян был работником штаба при Еременко и Хрущеве, когда они старались организовать защиту города в конце лета 1942 года. Он признает: «Мы не могли описывать, как все происходило, в течение очень долгого времени. Мы боялись быть откровенными. На самом деле на ранних этапах битвы мы, конечно, сомневались, что удержим город. У нас было слишком мало регулярных войск, и нам приходилось рассчитывать на плохо обученных новобранцев из гражданского населения. У нас не было сил, чтобы защитить город. Однако упоминать о том, что Сталинград мог пасть, было запрещено.

Если бы я проговорился, то меня могли арестовать. Хотя многие люди думали так же, как я».

Даллакян продолжает: «Утверждение, что во время оборонительного этапа битвы наши солдаты не потеряли веру в окончательную победу, было пропагандистским мифом. Никто не говорил о победе в то время. Мы были поглощены одной мыслью — просто удержаться. Настроения изменились, только когда мы окружили немцев. Правда, это случилось довольно быстро. И только тогда возникла убежденность, что мы выиграем битву и в конечном счете всю войну».

Частные разговоры ветеранов между собой мало соответствовали тому, что требовала от них официальная власть. «Среди фронтовиков было непререкаемым законом оставаться честными друг с другом, — отмечает Александр Чуйков, вспоминая о встречах его отца, командующего 62-й армией, с сослуживцами. — От их рассказов мои волосы вставали дыбом. Они были абсолютно непохожи на то, что я читал в официальной истории».

Однако публичные выступления должны были неукоснительно соответствовать официальной линии партии. Василий Чуйков вспоминал о фотографии, вышедшей в газете в ходе Сталинградской битвы и изображавшей его с группой сослуживцев — офицеров и солдат — у берега Волги. На снимке все они радостно смеялись, глядя на рунной пулемет в руках молодого солдата. Смысл происходящего выглядел кристально ясным: молодой солдат вернулся с боевого задания, выполняя которое он уничтожил много ненавистных врагов. Однако в реальности все было гораздо более безыскусно и трогательно: молодой солдат держал крохотного щенка, которого он подобрал как талисман. Общий смех был вызван тем, что столь крохотное создание выжило после боя, прошедшего днем. Советским цензорам ситуация показалась слишком фривольной: щенок на фотографии был закрасен, а на его место вклеили пулемет.

Истинные события битвы оказались погребены под слоями цензуры. Многое осталось скрытым от нас до сих пор.

★ ВСТУПЛЕНИЕ

В коммунистическую эпоху было невозможно писать что-либо «негативное» о Сталинграде. Но от попыток забыть об ужасе и сомнениях, изобразив сражение как триумфальное шествие Красной Армии, история теряет гораздо больше, нежели приобретает.

КАКОЙ ВИДЕЛИ БИТВУ ОСТАЛЬНЫЕ

Сталинградское сражение стало сокрушительным поражением нацистской Германии и поворотной точкой Второй мировой войны. Никогда прежде целая немецкая армия не оказывалась разбитой, да еще с таким количеством пленных. Неудивительно, что русские настолько гордились этим достижением. Приведем лишь слова маршала Константина Рокоссовского, приуроченные к двадцать пятой годовщине битвы: «Об этом сражении написаны, наверное, сотни книг. Я думаю, сколько люди будут жить на земле, они будут помнить его. И это не удивительно, потому что это была крупнейшая битва в военной истории, в которой социализм и фашизм столкнулись лицом к лицу. Для нас это были жизнь и смерть, которые встретились на Волге. В сражении победила жизнь».

Обратимся к мнению противоположной стороны. Генерал Ганс Дерр, воевавший под Сталинградом, впоследствии стал автором первого немецкого исследования битвы. Он оценил ее как «поворотный пункт Второй мировой войны».

«Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой» — таковы ретроспективные комментарии Дерра. Но Сталинградское сражение неудержимо влекло к себе и в те дни, когда оно происходило. В начале октября 1942 года отчеты британской военной разведки отмечали, что Сталинград «стал едва ли не навязчивой идеей», приковывающей к себе интерес общества больше, чем все другие военные новости. Возможно, самый интересный современный комментарий битве был

сделан в статье лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна для газеты «Либерэйшн Дэйли» 12 октября 1942 года, когда сражение достигло своего пика: «В эти дни новости о каждом поражении и победе в городе захватывают сердца миллионов людей, доводя их до отчаяния и приводя в восторг».

Примерно в то же время немецкая газета «Берлинер Берзенцайтунг» писала: «В Сталинграде в самом разгаре сражение мирового значения. Это крупнейшая, решающая битва. Ее участники в силах увидеть лишь ужасные детали отдельных боев, но неспособны осознать их значение и предвидеть конец... Те, кто, напрягая каждый нерв и мускул, выживет в этой битве, сохраняют в памяти адские впечатления, как если бы они были выжжены в их сознании каленым железом... Потребуется годы, чтобы до конца осознать все подробности этой беспрецедентной битвы с ее уличными боями. Никогда за всю историю войн не было аналогичного примера, когда на столь сжатом пространстве на такой долгий срок концентрировалось столь огромное количество вооружения. Никогда ранее не было города, сражавшегося до падения его последней стены... В этой битве, несмотря на наше численное превосходство, мы пока не достигаем необходимого результата».

Владимир Туров описывает, как столь пристальное всеобщее внимание влияло на рядового солдата Красной Армии: «Во время Сталинградской битвы мы чувствовали, что весь мир смотрит на нас и ждет от нас чего-то героического, что позволит переломить ее ход. Именно тогда стало абсолютно ясно, что судьба фашизма и мира будет решена в Сталинграде, и мы осознавали это».

Артиллерист Николай Даниилов, солдат 62-й армии, защищал Промышленный район Сталинграда. Он также осознавал, сколь значимые для мировой истории события происходят на его глазах. 12 октября 1942 года, в один день со статьей Мао Цзэдуна в «Либерэйшн Дэйли», Даниилов записал: «Этот отрезок войны тяжелее всех предыдущих, но именно здесь немцы потерпят сокрушительное поражение».

СТАЛИНГРАДСКОЕ СРАЖЕНИЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Как осмыслить эту исключительную битву? Зачастую ее делят на три периода. Первый (так называемый оборонительный период) длился с 17 июля по 19 ноября 1942 года. Он ознаменовался продвижением немецкой 6-й армии к Сталинграду, ее первыми столкновениями с русскими войсками в степи и последующими кровопролитными боями в городе.

Второй период (окружение), с 19 ноября 1942-го по 10 января 1943-го, характеризуется секретной подготовкой советских контратак по северному и южному флангам 6-й армии. В результате окруженная немецкая армия оказалась в ловушке. В декабре свежие силы немцев пытались прорвать линию окружения и освободить 6-ю армию, но все попытки потерпели фиаско.

В последний, третий период, с 10 января по 2 февраля 1943-го, советские войска, окружившие Сталинград, начали битву на уничтожение, истребляя немцев и их румынских союзников, оказавшихся в Сталинградском мешке, или котле, как его метафорично называли. 2 февраля 1943-го остатки прежде непобедимой 6-й армии Вермахта капитулировали в северной части города, и Сталинградская битва закончилась.

О происшедших событиях Чуйков говорил просто: «История Сталинградского сражения — это история 62-й армии. Если бы немцы смели нас и пересекли Волгу, исход был бы совершенно другим. Психологический эффект от захвата врагом Сталинграда оказался бы настолько колоссальным, что никакое контрнаступление не удалось бы».

Он описывает 62-ю армию «как армию городских боев»: «Даже дошедшие до Берлина советские солдаты не могут представить абсолютный ужас Сталинграда. Через нас шла линия сплошного огня, это был кромешный, неописуемый ад. Никто другой не в состоянии понять, что мы пережили. После всего пережитого мы можем сказать другим: «А ты, ветеран западного берега, ты сражался в Сталинграде?» Отвечая на вопрос, как

его армии удалось выстоять, Чуйков говорит откровенно: «Это было за пределами понимания любого из нас».

Сталинградская битва оказалась крайне изнурительной, немцы были втянуты в изматывающие уличные бои среди руин города. Затянувшаяся борьба истощала их материальные и человеческие ресурсы, в то время как русские возводили оборонительные рубежи, выискивали и наносили удары по наиболее уязвимым местам противника.

Вермахт все глубже увязал в сражении, победа в котором с каждым днем становилась для него все менее посильной. Английский историк Бэзил Лиддел Гарт пишет об этом вполне определенно: «Немецкая сторона была вынуждена использовать в битве тактику постепенного вытеснения противника... Чем дальше немецкие войска оттесняли линию обороны города, тем сильнее замедлялось их продвижение. На последних этапах их передовая находилась на расстоянии полумили от западного берега Волги, но с тех пор их попытки продолжить наступление стали тщетными и затухали в результате тяжелейших потерь. Каждый шаг вперед стоил все дороже и давал все меньше выгод».

Сталинградская битва принесла абсолютно новый опыт обеим противоборствующим сторонам. Генерал Ханс Дерр описывает, сколь новый характер приняли бои в пределах города: «Время для проведения крупных операций окончательно миновало... Километр как мера длины был заменен метром, карта Генерального штаба — планом города. За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба».

Полковник Герберт Селле, командовавший инженерным отделением 6-й армии, вспоминает ужас такого рода боев: «Атака и защита, штурм и контрштурм, постоянный огонь, возбужденные крики, минометный и артиллерийский огонь, огромные языки пламени — Сталинград стал живым адом для каждого, кто там побывал. Развалины стали крепостью, разрушенные заводы скрывали в своих недрах бьющих без промаха снайпе-

★ ВСТУПЛЕНИЕ

ров, позади каждого станка и каждой конструкции притаилась нежданная смерть. Каждый угол и каждый закоулок угрожал внезапной автоматной очередью. Буквально за каждый шаг по земле приходилось бороться с защитниками города».

Селле подчеркивает ужасную свирепость борьбы: «Город не был тихим, даже когда затихали бои, к тому же вскоре они начинались снова. Бомбы со свистом сыпались на улицы, грохотали, взрываясь, снаряды, и целые ряды зданий превращались в обломки. Пожары не переставали бушевать, создавая смертельную завесу дыма вокруг обреченного города. На дорогах валялись гигантские металлические балки, вырванные и причудливо согнутые взрывами. Выжить можно было, только находясь в подвалах и бункерах. Там и теснились войска, размещались командные пункты. Когда снаряды рикошетили у входов, посылая ливень осколков и искр, то воздух накалялся и становился удушливым».

ТАКТИЧЕСКИЕ НОВШЕСТВА

Василий Чуйков понимал, что только тактическое разнообразие ведения боев позволит удержать Сталинград при широкомасштабном немецком наступлении: «Бой в городе — это особый бой. Тут решает вопрос не сила, а умение, сноровка, изворотливость и внезапность. Городские постройки, как волнорезы, разрезали боевые порядки наступающего противника и направляли его силы вдоль улиц. Поэтому мы крепко держались за особо прочные постройки, создавали в них немногочисленные гарнизоны, способные в случае окружения вести круговую оборону. Особо прочные здания помогли нам создать опорные пункты, из которых защитники города косили наступающих фашистов огнем пулеметов и автоматов.

В своих контрударах мы отказались от наступления частями и даже большими подразделениями. К концу сентября [1942 года] во всех полках появилась штурмовая группа — малая по численности, сильная ударом, неотразимая в действии и из-

воротливая, как змея... Борьба шла за здания и в зданиях — за подвал, за комнату, за каждый изгиб коридора».

Чуйков гордился созданием штурмовых групп — новых мобильных боевых формирований для борьбы с немцами на руинах города. На одной из его любимых фотографий периода битвы изображен молодой штурмовик, стоящий на руинах Тракторного завода. Фотография была сделана в начале октября 1942-го. Тактика применения штурмовых групп требовала времени для обширных тренировок, чтобы их деятельность была эффективной. Русским удалось добиться этого всего через несколько месяцев после окружения города немцами.

Более того, с появлением этого нового способа борьбы бойцы Красной Армии почувствовали себя гораздо увереннее. Наконец немцы лишились возможности играть по своим правилам. Анатолий Мережко расширяет сравнение Чуйкова: «Представьте огромную морскую волну. Она ударяет по берегу с огромной силой. Но когда в море есть волнорезы, волны разбиваются. В городе течение армии врага было разбито на маленькие потоки. Дома, особенно каменные дома, стали препятствиями. И чем дальше немцы продвигались в город, тем большее сопротивление они встречали с флангов. Тактика немцев совершенно не изменилась: они использовали в городе те же методы, что и в степи. Но город был совершенно другой боевой ареной, особенно руины. Нам пришлось разбиться на небольшие группы и превратить городские здания в крепости, чтобы разбить их реку на притоки. Нам это удалось».

Но Мережко не стремится объяснить исход битвы исключительно через тактические факторы. Напротив, он отмечает и другое, перекликающееся с частным замечанием Чуйкова, что результаты борьбы «были выше понимания любого из нас»: «Оборона Сталинграда — парадокс для военной науки. В ее терминах еще можно истолковать окружение и наше наступление под конец битвы. Но наша оборона необъяснима с точки зрения любой системы рационального анализа. Здесь сплошной парадокс. Наши шансы были крайне ничтожными, к октябрю — ноябрю 1942-го у нас практически не осталось сил.

★ ВСТУПЛЕНИЕ

У немцев же было головокружительное превосходство: соотношение их сил с нашими было несоизмеримым. Вы вряд ли найдете другой подобный пример в истории».

Говоря о катастрофическом уменьшении численности 62-й армии (к декабрю 1942 года она составляла едва ли шесть тысяч бойцов, меньше, чем состав регулярной дивизии), Мережко отмечает: «Наша линия обороны была сжата до узкой полоски земли между пятистами и ста метрами от Волги, но нам как-то удавалось удерживаться».

Владимир Туров уверенно высказывает схожую точку зрения: «С точки зрения нашего военного понимания то, как мы удержали Сталинград, по-прежнему полнейшая загадка для нас». Михаил Серебряков, офицер разведки русской 57-й армии, который начал сражаться в Сталинграде в январе 1943-го, подчеркивает: «Многие из так называемых исследований были хорошо разработаны, когда битва закончилась. В то время у людей не было особых возможностей, чтобы думать о том, что происходило».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Серебряков убежден, что определяющую роль в битве сыграл психологический фактор: «Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Обе стороны постоянно учились друг друга. При этом имел место один жизненно важный момент, проявившийся во время изнуряющих ближних боев: в столь экстремальной ситуации люди смогли использовать сокрытые в них невероятные внутренние ресурсы».

Я видел мать, которая приподняла край немецкого грузовика, чтобы освободить своего ребенка, оказавшегося в ловушке, и я видел миниатюрных медсестер, которые тащили к окопам раненых парашютистов, вдвое больших, чем они, по размеру. Подобные вещи кажутся физически невозможными, но что-то происходит с людьми одновременно и в физиологии, и в психологии.

Конечно, некоторые теряли голову от ужаса битвы, но другие находили что-то большее, что помогало им выстоять. Мы руководствовались одним принципом. Его можно выразить так: сначала помоги товарищу, а потом думай о том, как выжить самому. Между нашими солдатами действительно существовали такие отношения».

Многие ветераны согласны с этим. «Мы часто вспоминали слова Суворова [основателя русской профессиональной армии в восемнадцатом веке], — говорит Иван Бурлаков, защитник сталинградского завода «Баррикады». — Сам погибай, а товарища выручай!»

Чтобы понять все это сегодня, необходимо воссоздать моральный дух защитников Сталинграда. Мережко говорит о нем так: «Среди наших войск царил особый дух, появившийся именно во время битвы. Смелость была ключевым словом для бойцов под командованием Чуйкова. Они гордились быть частью именно этой армии, голос чести заставлял солдат совершать невероятные подвиги. Заставить делать подобное их не смогли бы ни комиссары, ни кто-либо другой».

Мережко выделяет такой характерный момент: «Несмотря на жестокие бои, почти все раненые, доставленные на дальний берег Волги, после медицинского лечения просили вернуть их в Сталинград так быстро, как только возможно, даже при том, что их шансы выжить там были невероятно низки. Это был истинный дух Сталинграда — дух единства и товарищества. Очень сложно передать, что представлял собой город. Огонь свирепствовал на протяжении пятидесяти километров вдоль Волги. Везде были языки пламени, дым, постоянный грохот взрывов, бесконечные артиллерийские атаки. Огромные бомбы падали на Мамаев курган. От всего этого охватывал ужас. Нам не верилось, что мы продержимся. Но когда в нашей дивизии, в которой изначально было более семи тысяч солдат, осталось меньше нескольких сотен, мы уже сражались с врагом и за наших мертвых друзей».

Дух бойцов определяла крепчайшая дружба, а не бесконечные панегирики коммунистической системе. Мережко очень

★ ВСТУПЛЕНИЕ

живо вспоминает об этом. Он признается: «Мне хочется говорить о том, что я видел, что повлияло на меня, в простых словах, так же, как это было в Сталинграде. Я осознал, что мои личные воспоминания не совпадают с официальной историей».

АНАТОЛИЙ МЕРЕЖКО — КЛЮЧЕВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Мережко было всего двадцать, когда он воевал под Сталинградом. Он был молодым лейтенантом со сравнительно скудным боевым опытом. С чего началось его быстрое продвижение по службе?

По его воспоминаниям, маршал Крылов, начальник штаба 62-й армии, чья совместная работа с Чуйковым стала ключевым моментом в создании условий для победы в сражении, благоволил к Мережко.

Через много лет после войны Крылов приезжал в Сталинград и поднимался на Мамаев курган, определяющую возвышенность битвы, за которую боролись с таким ожесточением: «Долго стоял я на зеленеющей вешней травой вершине Мамаева кургана, вспоминая дорогих боевых товарищей — и мертвых, и живых. И заново радовался в душе за тех, кому посчастливилось пройти от Волги до Берлина или других победных рубежей. За нашего командарма Василия Ивановича Чуйкова, за доблестных сталинградских комдивов Людникова, Родимцева, Смехотворова, за лихого танкиста Вайнруба, за снайпера Зайцева, метко бившего фашистов и на немецкой земле, за самоотверженных моих помощников в армейском штабе Калякина, Велькина, Мережко».

Крылов вспоминает появление Мережко в штабе 62-й армии: «Так предстал предо мною в один из трудных октябрьских дней старший лейтенант Анатолий Мережко — небольшого роста, худенький, с медалью «За отвагу» на пропотевшей и пропыленной гимнастерке. Медаль он заслужил в боях у Дона, командуя пулеметной ротой курсантского полка. А в штаб ар-

мии был взят совсем недавно («Штабной подготовки почти не имеет, но общевойсковая хорошая, и человек развитый, смысленный», — отозвался тогда о нем Елисеев) и мне докладывал впервые. Не помню, на какой участок обороны, в какую дивизию он посылался. Запомнилось, однако, с какой уверенностью излагал он установленные им факты, детали обстановки. Чувствовалось, что за точность своего доклада двадцатилетний лейтенант готов отвечать головой. А чего стоило в тот день выяснить подробно положение дел на многих участках фронта, да и донести добытые сведения до КП, я знал. И как-то сразу поверилось в нового, самого молодого работника оперативного отдела, в то, что и он под стать другим, уже испытанным. Не время было давать волю чувствам, и я не обнял, не расцеловал этого отважного парня. Просто пожал ему руку, налил немного водки из припрятанной для особых случаев бутылки, дал бутерброд из своего завтрака: «Подкрепишься вот, и разрешаю два часа поспать. Скоро, наверное, опять понадобится...»

Анатолий Григорьевич Мережко стал в дальнейшем одним из лучших офицеров штаба. Менее чем через год он был уже армейским направленцем по стрелковому корпусу, а ныне — штабной работник крупного масштаба, давно уже генерал».

Вскоре получилось так, что Крылов невольно дал прозвище своему молодому офицеру. Когда Мережко возвращался с разведывательным отчетом, неподалеку от него взорвалась бомба. Легко раненный, но весь в крови и в состоянии шока, спотыкаясь, он прошел на командный пункт и начал докладывать. Но каждый раз, когда он начинал, его голос срывался в визг или неразборчивый хрип. Битва была в самом разгаре, ситуация складывалась критическая, и Крылов сделал жест, приказывавший Мережко остановиться. «Лейтенант, — сказал он хмуро. — Я вижу, в чем проблема, хватит мне ее объяснять, хватит петь!» Среди офицеров объединенного штаба 62-й армии сначала повисла удивленная тишина, а потом покатился хохот. «С тех пор, — вспоминает Мережко, — меня прозвали Певцом».

РУКОВОДСТВО: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

В Сталинграде царил хаос, и многие знаменитые эпизоды битвы были воссозданы лишь годы спустя. Однако положение Мережко позволяло ему видеть работу армейского командования, как дивизионного уровня, так и командного пункта, а также то, какое впечатление она производила на солдат на передовой. Он чувствовал, что дух защитников города возрастает с развитием битвы. Именно этот дух и стал движущей силой их невероятной победы. Его первоисточником, убежден Мережко, стали исключительная храбрость и вера в себя армейских военачальников.

Здесь нет противоречия со сказанным ранее. В доказательство приведем интересный пример. Военный журналист Василий Гроссман был проницательным комментатором, находившимся в городе основную часть битвы. Но Гроссман, чрезвычайно разочарованный в советском режиме, дистанцирует рядовых солдат от их военачальников, веря, что простые бойцы нашли волю к сопротивлению исключительно внутри себя.

Как результат, он абсолютно не понял один из самых драматичных эпизодов битвы, когда в начале октября 1942-го немцы подожгли баки нефтехранилища выше КП Чуйкова. Русские думали, что они пусты, и ошиблись. В своем романе-эпопее «Жизнь и судьба» Гроссман так описывает этот момент: «Казалось, не было уже возможности выбраться живым из этого текучего огня. Огонь гудел, с треском отрываясь от нефти, заполнявшей ямы и воронки, хлеставшей по ходам сообщения... Жизнь, которая торжествовала на земле сотни миллионов лет тому назад, грубая и страшная жизнь первобытных чудовищ, вырвалась из могильных толщ, вновь ревела, топча ножищами, выла, жадно жрала все вокруг себя».

Такой художественный язык производит поистине гипнотический эффект, и гроссмановское описание определило взгляд западных исследователей на происшедшее. Писатель использовал ужасный пожар, чтобы представить русских военачальников беспомощными наблюдателями: Чуйков и Крылов были вы-

несены из огня в состоянии замешательства и шока, офицеры штаба 62-й армии с безнадежным видом стояли на маленьком выступе земли у самой Волги до утра, пока их не эвакуировали в безопасное место. Сценарий описанного соответствовал убеждению Гроссмана, что рядовые русские солдаты, а не командующие армией, были истинными героями Сталинграда. Однако на самом деле произошло другое.

Анатолий Мережко был на КП в то время, и его рассказ о происшедшем полностью противоположен версии Гроссмана: «Нас спасли хладнокровие Крылова и его умение быстро оценивать ситуацию. Когда вокруг нашего КП загорелась нефть, Крылов выскочил из своего блиндажа и закричал: «Оставайтесь на месте!» Многие вернулись в свои убежища, и это спасло их. Было смертельным лезть наружу: окопы быстро заливала горящая нефть. Более тридцати человек из нашего штаба погибло, потому что они «не нуждались» в инструкциях Крылова и остались снаружи. Когда остатки штаба собрались в уцелевших блиндажах, по-прежнему окруженных огнем, мы были похожи на негров, но мы были живы!»

БОЕВОЙ ДУХ И МОТИВАЦИЯ

До сих пор с трудом укладывается в голове, сколько героизма потребовалось от советских бойцов, чтобы выстоять в столь нечеловеческих условиях. В подобных обстоятельствах храбрость командующего армией и его штаба имела невероятное влияние на солдат, судивших в огне битвы о людях по их действиям, а не по словам. Сергей Козьякин, редактор дивизионной газеты, писал: «Война оказалась подобной зеркалу, отражающему истинную сущность людей. В повседневной жизни слишком многое остается незаметным, когда каждый думает о своих делах. Бои за Сталинград кипели на каждом шагу и были столь серьезными, что люди менялись на глазах».

Нельзя было предугадать, к лучшему или к худшему эти изменения. Марк Славин, воевавший в 45-й дивизии, приводит

★ ВСТУПЛЕНИЕ

один горький пример: «Я находился на переправе через Волгу и помогал эвакуировать раненых. Ужас происходящего там было не передать словами, немцы вели по нам непрерывный огонь. Вдруг я увидел моего молодого командира. Его голова была перевязана, он пробивался сквозь очередь, отталкивая остальных, чтобы первым оказаться в лодке. Мне тут же вспомнилось, как до этого он, полный патриотических чувств, говорил с нами, как со студентами на лекции, призывая не бояться врага, приводя примеры подвигов. И вот он оказался в лодке. Там была молодая медсестра по имени Катя Шустова, обыкновенная русская девушка в тулупе из овчины, но уже опытная в своем деле. Она подошла к моему командиру и приподняла повязку с его головы. Под ней не оказалось никакого ранения. Тогда Катя нагнулась, достала из сапога пистолет и застрелила его. Мы все видели это. Я подошел к лодке и сказал: «Катя, ты поступила правильно с этим ублюдком!»

Однако на каждый пример эгоизма и трусости можно привести другой — истинного героизма. Козякин рассказывает о молодом комиссаре Якове Дерганове. Он был тихим и замкнутым — слишком замкнутым. Он не выступал ни на одном собрании и, казалось, не умел этого делать. Но в огне завода «Красный Октябрь» Дерганов обрел голос. Это не было тарабарщиной коммунистических призывов, а нечто настоящее и глубоко искреннее. Немецкие танки неожиданно проломилась через заводские стены и спешно двигались к полковому наблюдательному пункту под прикрытием следующей позади пехоты. Командир закричал: «Пулеметчик, пали по врагу!» Но молодой пулеметчик был настолько потрясен внезапной атакой, что просто застыл в ужасе, буквально потеряв ориентацию в пространстве. Дерганов подбежал, затряс его и перенес пулемет на огневую позицию. «Куда ты смотришь?» — кричал он. А потом между пулеметными очередями повторял: «Запомни до конца жизни: здесь, на этой узкой полоске земли, наша Родина именно здесь, где мы удерживаемся сейчас. За Волгой для нас земли нет».

Когда в бою наступали короткие передышки, Дерганов говорил уверенно и от сердца: «Не думайте о смерти. Иначе

пропадет вся ваша вера в себя, вся ваша сила. Соберите свою волю в кулак. Используйте все внутренние резервы. Не думайте о страхах и ночных кошмарах. Сосредоточьтесь на враге. Призовите всю вашу ненависть к нему. Вы сильнее, чем эти чертовы фрицы. Вы сражаетесь за вашу собственную землю».

Дерганов, не казавшийся прежде даже хорошим оратором, в сталинградских боях проявил исключительную силу духа. Когда прорвались немецкие танки, он был готов пожертвовать жизнью, чтобы спасти ситуацию. Молодой пулеметчик вдохновился его самозабвенным порывом и тоже сумел взять себя в руки, поверить в собственные силы. «Ты хороший парень, у тебя все получится!» — напутствовал его Дерганов. Другие пулеметчики также стали, не жалея себя, стрелять по врагу, и немецкая атака была остановлена.

Вечером Дерганов был найден раненым, без сознания, у наблюдательного пункта. Он сделал все, что мог. Недавно поступившие на фронт юные бойцы благоговейно накрыли его шинелью и отнесли на медицинский пост. Они были теперь другими людьми. В следующие три дня непрерывных немецких атак они не сдали своей земли врагу.

ОБЕСКУРАЖЕННЫЙ ПРОТИВНИК

Мы увидели, какова власть подлинного военачальника. Подобные исключительно смелые действия командиров были важны Красной Армии, как воздух, в противостоянии совершенно ужасающему противнику. Русские не обманывали себя, оценивая силы врага. Михаил Борисов за время трех ужасных отступлений 1942 года — в Крыму, Харькове и на Дону — не раз сталкивался с боевыми формированиями противника. «Я думаю, что немецкая армия в то время была лучшей в мире, — признает он. — Любой оказался бы в беде, воюя с ними».

Анатолий Мережко высказывает схожее мнение: «Мы реально оценивали немецких солдат. Конечно, публично об этом не говорилось, но среди бойцов никто не думал, что у немцев есть

★ ВСТУПЛЕНИЕ

какие-то серьезные слабые места. Фашисты, даже оказавшись в окружении без надлежащего зимнего обмундирования и достаточного количества еды и боеприпасов, продолжали хорошо сражаться в течение очень долгого времени».

Василий Чуйков, обобщая свое мнение о противнике, с которым он встретился в Сталинграде, говорит четко и просто: «Немцы были умны, они были обучены, их было много!»

И на борьбу с таким врагом было направлено воинское формирование, которое только начало свое существование. 62-я армия являлась одной из самых молодых русских армий. Летом 1942-го она была слабо подготовлена, плохо оснащена и сильно деморализована. Она прошла через немецкую мясорубку на подступах к Сталинграду, и многие из ее дивизий оказались разбиты. Однако оставшиеся на руинах города остатки армии находили волю смело противостоять захватчикам и побеждать.

В Сталинграде произошло нечто знаменательное. В начале битвы за немцами были все военные преимущества. Но, как заметила одна британская газета, «Дейли телеграф», в конце сентября 1942-го: «Воистину существует некая сила, более значимая, чем материальные условия. Сила, которая превосходит чистую механику войны. И эта сила в полной мере проявилась в Сталинграде. Она представляет собой на первый взгляд неуловимый великий народный дух, который изменил ход сражения от казавшейся безнадежной обороны к развитию событий, которое совершенно обескуражило немецкое командование».

История обороны Сталинграда переживет свое время. Она учит нас изумительной стойкости перед лицом превосходящего противника. Только такая стойкость может привести к триумфу. Изменение мотивации борьбы и исключительный боевой дух преобразили 62-ю армию в военную силу невероятной мощи. В частной беседе Василий Чуйков отбрасывал коммунистическую риторику, чтобы откровенно передать, что чувствовал каждый солдат в Сталинграде: «Когда человек доходит до последней черты и осознает, что отступать больше некуда, тогда он действительно готов начать борьбу!»

Глава первая

НИ ШАГУ НАЗАД!

Летом 1942-го 6-я немецкая армия продолжала движение. Это было элитное формирование, прежде непобедимое в боях, участвовавшее в завоевании Бельгии и Франции летом 1940 года, а также Югославии, Греции, Южной России и Украины летом 1941-го. Теперь она отбила русское контрнаступление под Харьковом и ускоренно двигалась к Сталинграду, городу на Волге, чтобы лишить Советский Союз резервов зерна и нефти и уничтожить значительную часть его промышленного производства.

Южный фронт России был незащищен и открыт. В результате окружения советских армий под Харьковом возникла огромная брешь в линии обороны страны, через которую немецкие войска продвигались с ужасающими темпами: на 40–50 километров в день. Чтобы противостоять им, командование Красной Армии бросало навстречу врагу войска из спешно сформированных резервных армий неподготовленных, плохо вооруженных бойцов. Действия командиров не отличались скоординированностью. Противостояние было неравным: немецкие войска наголову разбивали противника, создавая у советских солдат настроение глубокого отчаяния.

Немецкая наступательная операция 1942 года, проходившая под кодовым названием «Блау» («Голубая операция»), носила

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

две основные цели. Первая — достигнуть Сталинграда и Волги, отрезав поступление пополнения советских войск через реку. После достижения данной цели планировался удар по Кавказу и захват местных нефтяных месторождений. Такова была вторая основная цель.

Экономические факторы учитывались Гитлером при разработке плана, и потому оккупация Сталинграда им первоначально не предусматривалась. Он полагал достаточным уничтожить промышленные предприятия города и блокировать проход к Волге. Однако развитие ситуации оказалось непредсказуемым.

Официальная советская точка зрения звучала просто: Сталинград был бы удержан вне зависимости от силы натиска врага. В действительности Анатолий Мережко не исключает варианта, что, если бы Гитлер ограничился исходными целями операции «Блау», положение защитников города оказалось бы безнадежным. Однако после краха советских армий под Харьковом честолюбие фашистского лидера зашло слишком далеко, и Гитлер допустил фундаментальную стратегическую ошибку, настаивая, чтобы Сталинград и Кавказ были взяты одновременно. 23 июля две группы армий немецкого фронта, «А» и «Б», были одновременно направлены в наступление: «А» — на вторжение на Кавказ, «Б» — на захват Сталинграда.

НЕМЕЦКИЙ ПЛАН

Директива Гитлера от 23 июля 1942 года определяла облик Сталинградской кампании. Герберт Селле, глава инженерного корпуса 6-й немецкой армии, описывал ситуацию следующим образом: «30 июня 1942 года 6-я армия покинула свое место дислокации на востоке Белгорода и начала наступление. После двух дней тяжелых боев сопротивление русских казалось сломленным, и немецкие части начали преследование противника... К 23 июля основные силы 6-й армии находились по обеим сторонам верхнего течения реки Чир».

Это был решающий момент. Селле продолжает: «Первоначальный немецкий план предусматривал завоевание Южной России через последовательные этапы. Сначала группа армий «Б» с ее 6-й армией и 1-й и 4-й танковыми армиями должна была захватить Сталинград и создать линию обороны между Доном и Волгой. После этого группа армий «А», пройдя южнее, должна была вторгнуться на Кавказ. Не вызывало сомнений, что исходные цели такого плана достижимы до наступления зимы. Тем не менее в свете успешного продвижения 6-й армии Гитлер и Высшее командование решили, что советские войска настолько сломлены, что достаточно лишь части этих формирований, чтобы разгромить Волго-Донской фронт». «Желаемое было принято за действительное, — заключает Селле. — Исходный план операции был отвергнут, и вышла новая директива, которая направляла группу армий «Б» на Волго-Донской фронт одновременно с направлением группы армий «А» на захват Кавказа. Таким образом, силы войск расплылись сразу на два направления».

Это, несомненно, вело к ослаблению немецкого наступления, тем более что одно из сильнейших фашистских мобильных формирований, направленное непосредственно на Сталинград, повернуло на юг. Герберт Селле говорит об этом разочарованно: «На основании того, как операция осуществлялась до этого момента, выглядело логичным в июле 1942-го, чтобы 6-я армия достигла вершины великой излучины Дона у Калача за несколько дней. Но большинство наших мобильных ударных формирований и значительное количество транспортных ресурсов после смены плана были переданы группе армий «А» в момент, когда все зависело от быстроты действий и концентрации усилий».

Анатолий Мережко соглашается с такой точкой зрения: «После катастрофического поражения под Харьковом в нашем фронте образовалась трехсоткилометровая брешь. Но, как говорится в старой русской пословице, немцы погнались за двумя зайцами. Гитлер верил, что 6-я армия настолько сильна, чтобы взять Сталинград своими силами. 4-я танковая армия, одно из лучших немецких мобильных формирований, изначально долж-

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

на была быть на левом фланге наступления, но ее направили на Ростов. Если бы она оставалась на прежнем месте, поддерживая прямой удар по Сталинграду, я думаю, немцы смогли бы взять город в июле 1942 года. У нас не хватило бы сил, чтобы противостоять столь мощному скоплению войск. Вместо этого танковые армии спешили на юг, двигаясь через линии коммуникаций 6-й армии и препятствуя ее наступлению. Переброска 4-й танковой армии стала главной стратегической ошибкой немцев».

Таким образом, успех защитников города не был predetermined заранее. Все могло случиться иначе, если бы немецкое командование осталось верно первоначальному плану и сконцентрировало сильнейшие формирования для штурма Сталинграда.

Директива Гитлера от 23 июля имела и другие последствия для хода немецкой кампании. Стратегический план операции «Блау» предусматривал ведение активных боевых действий исключительно на Южном фронте. Однако Гитлер решил возобновить наступление на севере атакой Ленинграда под кодовым названием «Нордлихт» («Северное сияние»). После захвата немцами Севастополя 11-я армия Манштейна могла также быть развернута на Кавказе либо направлена на поддержку наступления 6-й армии на Сталинград. Вместо этого она была перемещена с южного театра военных действий на окраины Ленинграда, вследствие чего немецкое наступление было окончательно лишено надежных резервов.

Манштейн, один из лучших гитлеровских генералов, справедливо критиковал подобное решение: «Разве могут быть какие-то оправдания тому, чтобы после крымских успехов 11-й армии снимать ее с южного крыла Восточного фронта и ставить перед ней, несомненно, менее важную задачу — захват Ленинграда? Летом 1942-го Германия искала разрешения своей судьбы на юге Восточного фронта, и здесь никакое количество войск не было лишним. Тем более что и без того, преследуя две цели — захват Сталинграда и Кавказа, — Гитлер должен был вести наступление по двум направлениям».

Манштейн был убежден, что правильной стратегией для его войск было следовать за атакующими формированиями в качестве оперативного резерва. Он делал ударение на следующем доводе: «Здесь никакое количество войск не было лишним». Направлять группу армий «Б» занимать Волго-Донской рубеж было стратегически рискованным, поскольку ее сил не хватало, чтобы без разрывов занять всю линию передовой вдоль Волги, вместо этого ее главный фронт растягивался на сотню километров западнее, вдоль реки Дон. Изгиб этой реки мог быть использован как отправная точка для штурма Сталинграда. В этом случае все по-прежнему сложилось бы хорошо для немецких войск, если бы Сталинград пал быстро, но было очевидно, что немецкие войска будут пребывать в опасном положении длительное время. Таким образом, фашисты сами опускали свои головы в петлю, так потом это изображалось на пропагандистских русских карикатурах, и словно приглашали противника контратаковать их фланги. Правда, от русских требовалось сначала удержать Сталинград. Но в случае их успеха и длительного характера осады города немецкие позиции становились чрезвычайно уязвимыми.

Угрозу можно было снизить с перебрской новых и новых немецких войск под Сталинград. Армейские фланги, где были сосредоточены войска союзников — румын, итальянцев и венгров, — были ненадежны. Они выглядели заманчивой целью для врага. И было жизненно важно усилить их мощным немецким резервом.

Наконец, что особенно уязвляло Манштейна, его армия была оснащена тяжелыми осадными орудиями. Поскольку русские укрепили свои позиции в Сталинграде, эти орудия пришлось бы более чем кстати: с их помощью можно было разбить оборону русских в пределах города. Вместо этого орудия были перемещены на север, к Ленинграду.

Суммируя возможные факторы риска для Германии, Манштейн пришел к выводу, что попытка получить контроль над Волгой через взятие Сталинграда могла принести положительный результат только в случае, если бы штурм города был скоро-

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

течным и успешным. «Оставлять основные силы группы армий в Сталинграде на долгие недели с незащищенными флангами было кардинальной ошибкой», — писал он. В случае затяжных боев за город основные силы группы армий «Б» неизбежно увязали в уличных боях, оставляя Донской фронт на слабые войска немецких союзников.

Все более чем очевидно в ретроспекции. Однако доверие к Гитлеру в Германии было всеобщим и неограниченным, им было «заражено» все немецкое Высшее командование. К тому же мало кто мог предположить, что у русских остались какие-либо значимые резервы, достаточные, чтобы удерживать Сталинград в течение длительного времени, а потом начать крупное контрнаступление.

Летом 1942-го обе воюющие стороны допустили свои основные стратегические ошибки.

БОЛЕЗНЕННЫЙ ОПЫТ РУССКИХ

Опыт предшествовавших Сталинградской битве боев с немцами был весьма болезненным для русских: противник наступал превосходящими силами, а собственное положение Красной Армии казалось безнадежным. Анатолий Козлов вспоминает свои ощущения той поры: «Остановить немецкую армию было безумно сложно — настолько, как если бы нам приказали остановить ураган. Мы надеялись, что наши союзники откроют второй фронт в 1942-м, и нас охватило отчаяние, когда мы остались с фашистами один на один и ситуация сложилась наихудшим для нас образом. Шло хаотичное массовое отступление, в процессе которого нарушалась даже целостность структуры армий, так что невозможно было найти свою дивизию. Когда немцы достигли Кавказа, большинство из нас совсем потеряло веру в победу».

Гамлет Даллакян вспоминает царившее тогда в Красной Армии всеобщее отчаяние: «Разбитые под Харьковом, мы были вынуждены, истекая кровью, отступать к Дону. Мы думали, что

война проиграна и мы уже не сможем противостоять столь сильному врагу. Казалось, что нет никакой возможности остановить продвижение немцев. Они нам дышали в спину все время, пока мы отступали к Дону».

Ситуация стала критической, начиная с боев под Харьковом. Именно там, после того как немцы применили свою классическую тактику окружения, потерпели крах амбиции Тимошенко, которые он лелеял в начале лета. Это поражение и его ужасные последствия подорвали веру даже самых пылких коммунистов. Прасковья Гращенкова, оказавшаяся в составе одной из новосформированных дивизий, рассказывает об этом так: «Отступление от Харькова было самым ужасным моментом в моей жизни. Ситуация складывалась совершенно катастрофическая. Мы пытались победить врага на земле, но он разбивал нас с воздуха, — ее голос начинает дрожать, и она опускает глаза. — Я ощущала полную безнадежность ситуации. Да, я была убежденной коммунисткой, но впервые в жизни я начала молиться, взывая к Господу, чтобы он помог мне. Я старалась вспомнить слова молитв, услышанных от бабушки».

Такое же ощущение безнадежности охватывало многих. Боевые действия летом 1942-го представляли собой неравную схватку между высокопрофессиональной, отлично подготовленной немецкой армией, чей моральный дух был непомерно высок, и деморализованными советскими войсками, брошенными навстречу врагу. Евгений Куропатков, который сражался в одной из новых, наскоро сформированных русских дивизий, говорит об этом так: «Мы отчаянно нуждались в лучшем оснащении и подготовке. Нередко приказы комдива доходили до хвоста дивизии лишь несколько часов спустя. Команды отступали в наши войска, когда их было уже поздно исполнять. Мы делали ошибку за ошибкой».

Михаил Борисов за время отступления от Харькова уцелел единственный из состава пяти артиллерийских расчетов. «Нашими слабыми местами были никуда не годная боевая техника и хроническая нехватка боеприпасов, — рассказывает он. — Мы были прикреплены к совершенно неподходящим для по-

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

добных боев 45-миллиметровым батальонным орудиям, которые могли пробить броню вражеских танков только с расстояния, не превышающего сто метров. У нас было мало уверенности в эффективности подобного оружия, которое мы прозвали «Прощай, Родина!». И оно действительно мало помогало в боях, поскольку нам выдавалось всего по два снаряда на день».

Ситуация в небе над полями сражений была не намного лучше. «Как-то раз, когда наша измученная пехота отступала по степи, — вспоминает Борисов, — мы увидели в небе шесть наших «И-16» [одномоторный истребитель Поликарпова]. Эти самолеты были тяжелыми и медленными, в армии их называли «ишаками». Неожиданно возник один немецкий «Мессершмитт». Мы стали свидетелями воздушного боя. Он был очень коротким. Немец сбил все наши самолеты один за другим. Мы оказались полностью в его власти и стали беспомощно ждать, когда он откроет по нам огонь из пулеметов. Однако он несколько раз пролетел над нами на низкой высоте, затем помахал крыльями, как бы в насмешку желая нам здравствовать, и улетел. Вы не можете представить, как мы себя чувствовали. Мы ощущали себя настолько униженными, наши сердца наполнялись безнадежностью. Я помню, с каким потрясением я смотрел вслед удаляющемуся «мессеру» и думал: «Мы не можем так воевать!» — «Враг использовал каждый шанс, чтобы унижить отступающих солдат. Двоих из нас послали в разведку, — вспоминает Мережко. — Мы сели на лошадей и поехали по степи, высматривая немцев. Наконец мы нашли их — ровными рядами марширующую пехоту. Мы поскакали от них галопом так быстро, как только могли. Но вскоре в небе появилось два «Мессершмитта»: один стал кружить над нами, другой открыл по нам пулеметный огонь. Немцы могли без труда нас прикончить. Вместо этого они просто ради потехи гнали нас около тридцати минут. На полном скаку я, срывая голос, перекрикивался с товарищем, когда мы поворачивали наших коней то в одну, то в другую сторону, отчаянно пытаюсь увернуться от пуль. Пулеметные очереди проходили все ближе и ближе к нам. Потом внезапно фашистам надоела их забава, и они улетели».

Другим очевидцем ужасного отступления был Виктор Некрасов, отразивший свои впечатления в повести «В окопах Сталинграда». Он рисует перед нами одурманивающую жару, палящее солнце, повсеместную пыль и всегда удручающую скорость немецкого наступления:

«Полк, вероятно, уже далеко, километров за семьдесят-восемьдесят. Если они эти два дня шли, то никак не меньше. Возможно, они где-нибудь встали в обороне или пробиваются через немцев. Местное население говорит, что «ранком в неділю проходили солдаты. А у вечері пушки йшли». Должно быть, наши дивизионки. «Тільки годину постояли і далі подались. Такі заморені, невеселі солдаты».

А где фронт? Спереди, сзади, справа, слева? Существует ли он?» Некрасов ярко передает всеобъемлющее чувство отчаяния:

«Бабы спрашивают, где же немцы и куда мы идем. Мы молча пьем холодное, из погреба, молоко и машем рукой на восток.

Туда... За Дон...

Я не могу смотреть на эти лица, на эти вопрошительные, недоумевающие глаза».

В других местах произведения, воспроизводя фрагменты солдатских диалогов, Некрасов удивительно точно передает всеобщую подавленность:

«Куда нам с немцами воевать... Немцы от самого Берлина до Сталинграда на автомашинах доехали, а мы вот в пиджаках и спецовках в окопах лежим с трехлинейкой образца девяносто первого года».

«Перед Наполеоном мы тоже отступали до самой Москвы. Но тогда мы теряли только территорию, да и то это была узкая полоска. И Наполеон, кроме снегов и сожженных сел, ничего не приобрел. А сейчас? Украины и Кубани нет — нет хлеба. Донбасса нет — нет угля. Баку отрезан, Днепрострой разрушен, тысячи заводов в руках немцев».

«Мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют. Но шансов у нас все-таки мало. *Нас может спасти только чудо*» (курсив Майкла Джонса).

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

В столь безнадежное время из самых глубин сознания русских бойцов прорывалось слово «вера». Некрасов писал в своей повести: «Сейчас это единственное, что у нас есть, — вера».

Разговоры и внешний вид русской и немецкой армий вполне соответствовали состоянию противоборствующих сторон. Мережко отмечает: «Немцы были полны уверенности в себе, и это было объяснимо, ведь они успешно прошли путь от Харькова до Дона. Их лица были уверенными и целеустремленными. В летнюю жару они шли с засученными рукавами, в шортах и распевали свои песни».

Как вспоминает Мережко, отступающая русская армия смотрелась до ужаса контрастно. Казалось, что войска засыпают на ходу. Разрозненные группы бойцов проходили мимо него, в глазах каждого читалась пугающая оторванность от происходящего: «Они были совсем отчаявшимися людьми, истощенные, ошеломленные и неспособные ни на что реагировать. Мы понимали, что в такой ситуации от них не будет никакой пользы, и забирали их оружие».

Однако официальная пропагандистская риторика оставалась бравурной. Настойчиво цитировалось письмо из Красной Армии бойца Боголюбова: «Мы уверены, что враг потерпит жестокое поражение, как в битве под Москвой. Мы готовы умереть в правом бою. Мы не позволим врагу продвинуться больше ни на шаг». Недавно обнародованные отчеты НКВД отражают совсем другие настроения солдатской среды. 20 июля 1942 года полковой писарь Колесников высказался откровенно: «Немецкая армия гораздо хитрее и способнее нашей. Посмотрите на их оснащение. А что есть у нас? Несколько древних самолетов. Газеты говорят, что мы остановим немцев, но это не так. Наша печать врет нам».

Иван Чехов в письме к жене повторял те же мрачные прогнозы: «Мы предпринимаем попытки атаковать, но противник окружает нас. Они забрасывают парашютистов перед нашими позициями и начали бомбардировки, в ходе которых погибло множество солдат. Другие из нас утонули, стараясь перебраться через Дон. Те, кто остался жив, были взяты в плен. Но немцы

убеждены, что на Волге нам придется еще тяжелее. Они обещают утопить в Волге нас всех. Моя дорогая Катя, мои дорогие дети, здесь очень сложно выжить. Такое чувство, что мы все приговорены к смерти. И спастись нельзя: мы все или утонем, или будем убиты, или попадем в плен к врагу. В Сталинграде будет страшная бойня».

«Это был период ужасной паники, — вспоминает Тамара Калмыкова. — Каждый был перепуган до безумия».

Сталинградская битва началась 17 июля 1942 года, когда части недавно сформированной 62-й армии встретились с противником на реке Чир, притоке Дона. Новоиспеченная армия была спешно сформирована из резервов несколькими днями ранее и направлена в область Дона накрытие центральной части русского фронта. Именно туда пришелся основной удар немецких войск. 62-й армии не хватало людей и вооружения, в ней не было согласованности, большинство солдат не имело боевого опыта. Это было слишком тяжелое крещение огнем.

С самого начала все стало складываться наихудшим образом. Новый командарм генерал-майор Колпакчи перераспределил свои силы и, пока солдаты и техника все еще выгружались из поездов в его тылу, направил пять дивизий в первую линию обороны и только одну — во вторую. Недоставало времени, чтобы вырыть надлежащую систему окопов: земля стала буквально каменной из-за страшной летней жары. Вскоре в небе появилась немецкая авиация. «Их «Юнкерс-87» под вой сирен разбомбил все вдребезги, — вспоминает Мережко. — Затем пошли в атаку немецкие танки и пехота».

БИТВА НА ДОНУ

В начале августа 1942 года немцы отбросили 62-ю армию к ее основной линии обороны на Дону и получили возможность применить классическую немецкую тактику окружения при уничтожении основных сил русских на Дону. Герберт Селле

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

из 6-й армии описывал этот момент так: «Нам наконец представился решительный шанс не только ударить по врагу, рискованно расположившемуся широким полукругом у Калача, но уничтожить его, захватив в «клещи» у Дона». В случае успеха такая операция открывала возможность быстрой атаки Сталинграда.

Александр Фортов, командир артиллерийской части 112-й дивизии, вспоминает те страшные июльские дни, когда они были отброшены к Дону: «Под непрекращающимися немецкими бомбардировками в условиях неразберихи нам не доставляли продовольствия. Мы старались выжить на сниженном рационе. Была ужасная жара: мне постоянно хотелось пить. В основном мы натыкались на обезлюдившие деревни и пересохшие колодцы, на дне которых порою обнаруживали горькую, солоноватую воду».

Для Фортова и его товарищей напряженность ситуации была осязаемой. Они знали, что до атаки противника осталось совсем немного и она начнется, как только немцы достигнут высоты на западном берегу Дона. Паулюс, командующий 6-й немецкой армией, тщательно подготовился и применил традиционную немецкую тактику фланговой атаки с целью окружения и уничтожения противника. Немцами было создано две группы. Каждая состояла из танкового и двух армейских корпусов. Их задачей было прорваться через линии обороны русских к правому берегу Дона и, обойдя окруженного противника, встретиться на Калаче и уничтожить основные силы 62-й армии. После этого складывались самые благоприятные обстоятельства для нападения на Сталинград.

Утром 24 июля немцы предприняли массированную атаку по правому флангу 62-й армии при мощнейшей поддержке авиации. Вскоре их противник потерпел сокрушительное поражение. Они пробились через линию защиты русских, окружив две пехотные дивизии, и быстро достигли Дона.

Отреагировав на происшедшее самым неожиданным образом, начальник командного пункта 62-й армии полковник Журавлев прорвался в окруженную область, чтобы взять на себя

командование войсками. Однако это эмоциональное решение не помогло спасти положение. 25 июля немцы прорвались к югу, разбив левый фланг 62-й армии.

В разгар битвы Колпакчи был смещен, и изменить ситуацию попытался представитель Ставки советского Верховного командования. Генерал-полковник Василевский предпринял танковую контратаку силами 1-й и 4-й танковых армий в надежде предотвратить полное уничтожение новоиспеченной армии. Но немцы уничтожили превосходящие танковые силы противника ударом с воздуха, а затем окружили все шесть дивизий 62-й армии на правом берегу Дона. Это было образцовой битвой окружения и создавало успешные предпосылки для штурма Сталинграда.

Анатолий Козлов служил офицером связи в 1-й танковой армии. Он откровенно рассказывает о происшедшем: «Во время отступлений нам всегда говорили, что мы отыгрываем время, что это сейчас главное. Однако если мы и выиграли время той скоротечной контратакой, то выигрыш достался нам слишком дорогой ценой. Из моей бригады, в которой было 75 танков, только три уцелело, а остальные утонули в Дону. В целом мы потеряли 700 танков. Немецкое воздушное превосходство не оставляло нам шансов. Враг вел себя невероятно самоуверенно: один немецкий самолет пролетел над нами так низко, что мы смогли сбить его из танка!»

Козлов остро критикует план кампании: «Решение остановить фашистов на таком удалении от Сталинграда — около ста километров от города — оказалось ужасной ошибкой. Превосходство врага было подавляющим».

Судьба отдельных дивизий 62-й армии — за рамками комментариев Козлова. Но мы проясним их судьбу. 192-я, прикрывавшая правый фланг армии, была полностью разбита, большая часть бойцов 184-й, в том числе и комдив, погибла. 181-ю в конечном итоге окружили, а 33-я гвардейская дивизия, лучшая в армии, сократилась до временного формирования в несколько сотен человек. 196-я дивизия своими силами пробилась из окружения, но понесла при этом страшные потери.

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

«Это был критический момент, — заключает Козлов, — для судьбы нашей страны, нашей Родины, которая теперь зависела от судьбы Сталинграда, и каждый из нас осознавал это».

Евгений Куропатков сражался в составе 196-й дивизии. Он вспоминает: «Нашим комдивом был Дмитрий Аверин. Мы уважали его, у него имелся большой боевой опыт: он воевал еще в Гражданскую и участвовал в битве за Киев в сентябре 1941-го. Он был высоким, выглядел довольно серьезно, и у него было достаточно оснований, чтобы так выглядеть. Мы были окружены немцами. К нам подошла часть северной группы Журавлева. 7 августа 1942-го враг начал массированное наступление. Немцы легко прорвали наши линии обороны, и их танковые колонны двинулись на наш КП».

Долгие годы Куропатков не имел представления о том, что произошло дальше: «Я даже перечитывал записи министра обороны по поводу 62-й армии, но там просто говорится, что утром 7 августа 196-я дивизия прекратила существование. Только в 1982 году, на сороковую годовщину битвы, я встретился с нашим дивизионным политработником, и он мне рассказал о трагедии, происшедшей дальше. Вражеские танки прорвали нашу оборону, и их группа пробилась к нашему КП. Аверин как раз находился там. У него было личное оружие, несколько гранат, один пулемет и небольшое подразделение охраны штаба. Конечно, так не повоюешь против танков. Аверин отдал приказ: «Спасите наше знамя!» И его комиссар обмотал знамя вокруг своего тела. Аверин дал ему пять человек в сопровождение и приказал переплыть Дон со знаменем. После этого комдива больше никто не видел. И все было абсолютно безнадежно, наш фронт распадался. Я совершенно не мог понять, что происходит, и чувствовал себя абсолютно беспомощным и потерянным».

«Русские были повержены в битве на уничтожение, — отмечает Герберт Селле с жестоким удовлетворением. — Враг в дополнение к многочисленным жертвам потерял около 1000 танков и 750 орудий. Более 50 000 бойцов оказались захвачены в плен». Селле вспоминает встречу с Паулюсом, командующим

6-й армией, сразу после такого успеха. Сталинград, казалось, был уже у них в руках. «Армия была полна надежд... Я встретился взглядом с Паулюсом. В его глазах застыл немой вопрос: неужели русские, наконец, действительно исчерпали свои силы?»

Драматическое отступление русских наложило свой отпечаток на Сталинградскую битву. Боевой опыт русских и немцев казался полярным. Но требовавшая мобильности, пространства и скорости война в русской степи, которая идеально подходила для немецких моторизованных частей, сменилась ближними боями среди разрушенных войной зданий Сталинграда. Пока немцы были еще убеждены в своей победе. Когда офицер из штаба Вермахта посетил передовые дивизии в городе в сентябре 1942 года, офицеры рассказывали ему, что сражаются с русскими не на жизнь, а на смерть, но верят, что захватят Сталинград в сжатые сроки.

Обе противоборствующие стороны хорошо изучили друг друга за время отступления русских войск по степи этим летом. В руках у немцев было пять козырей в битве за Сталинград. Разберем их по порядку.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

В 1942 году 6-я армия достигла исключительной высоты профессиональной организации. Красная Армия в Сталинграде не могла и мечтать о подобном. Она пошла другим путем. Ее руководители начали разрабатывать тактики боевых действий, приемлемые именно для такой армии, не пытаясь достигнуть уровня немецких войск.

Немцы были хорошо подготовлены и имели около двух лет уверенного боевого опыта. А какими были русские войска? Тамара Калмыкова, офицер связи 64-й армии, так описывает состояние армейского резерва: «Каким был армейский резерв в 1942 году, те самые армии, которые отчаянно бросили против немцев? Регулярная армия значительно истощилась за время

★ НИ ШАГУ НАЗАД!

предыдущих боев: многие были убиты и взяты в плен. А в армейском резерве находились добровольцы: юные коммунисты и старики, кто не был призван в начале войны. По большому счету, их формирования с натяжкой можно было назвать армиями или дивизиями, они не прошли даже надлежащей подготовки».

Ситуация усугублялась нехваткой вооружения. Калмыкова продолжает: «Долго ли могло служить противотанковое ружье, если к нему прилагалось только шесть коробок с патронами? Это ничто против двух-трех сотен танков. Поэтому многие солдаты бросались под танки с гранатами. Это было жестом отчаяния. У многих наших частей вообще не имелось надлежащего оружия, только лопаты и ножи».

Контраст между противоборствующими сторонами был разительным. «Эффективность действий немецких войск поражала воображение, — добавляет Калмыкова. — Нас просто изумляло, как они разворачивали свои войска. Приходится признать: они учили нас, как сражаться. И мы многое переняли у них: способы взаимодействия между различными частями, их систему связи, их рекогносцировку и картографию. Захваченные трофеи мы немедленно применяли против врага. Мы даже пользовались их картами!»

Военная машина немецкой армии работала как часы, и Анатолий Мережко признает это: «Немцы делали все в соответствии с планом. На рассвете всегда появлялся их самолет-разведчик. После короткого перерыва в дело вступали бомбардировщики, потом подключалась артиллерия, а затем атаковали пехота и танки. Нам не хватало ни силы, ни организованности, чтобы противостоять им. У нас не было ни танков, ни батарей артиллерийского прикрытия, ни каких-либо других дополнительных сил — только бойцы, состоящие в твоём подчинении, и оружие, которое у них в руках. Казалось, что мы совершенно беспомощны против немцев.

Наши контратаки были безнадежными. Нам давали команду атаковать после того, как нас в течение пятидесяти минут обстреливали немецкая артиллерия и авиация. При этом у нас не

было никакой артподдержки, и как бы долго мы ни ждали, наша авиация не появлялась. Красной сигнальной ракетой нам отдавали команду к атаке хорошо укрепленных немецких позиций, по которым не проводилось никакой предварительной огневой работы. Мы крепили к винтовкам штыки и успевали пробежать триста метров перед тем, как фашисты открывали по нам столь плотный огонь, что приходилось отступать на первоначальные позиции. Нас охватывали такое отчаяние и злость, мы были до того растерянными... Снова и снова мы задавали себе вопрос, почему наше Верховное командование не помогает нам успешно бороться с противником».

Отчеты НКВД об июльских боях вполне соответствуют рассказу Мережко. После одного из боев в степи в них появилась следующая запись: «Танковые бригады 23-го корпуса начали атаку, не располагая какой-либо информацией о количестве врага, противостоящего им, при этом недоставало эффективного взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией. Как результат, наши танки попали в засаду и оказались под огнем немецкой тяжелой артиллерии и атак с воздуха. Наши части были полностью разбиты. Враг продолжил продвижение».

С приближением Сталинградской битвы усиливались настроения отчаяния. Александр Воронов, артиллерист 13-й гвардейской дивизии, так описывает немцев: «Когда мы встречались с ними в городских боях, их дисциплина и организация ошеломляли нас. Мы тащили вручную наши артиллерийские снаряды на позиции. Это тяжелая, изнурительная работа. Затем мы складывали снаряды возле орудий, что было действительно опасно: если враг попадал в орудие, снаряды детонировали. У немцев же все было налажено по высшему разряду. Снаряды к орудиям они доставляли на моторизированных транспортных средствах, что значительно облегчало жизнь солдат. Свой боезапас фрицы размещали в стороне от орудия, снаряды лежали, аккуратно рассортированные по калибрам. Я был изумлен и угнетен разницей между нами».

Воронов делает ударение на том, как все это влияло на настроения бойцов: «Обладая такой превосходной системой